

Нобелевская
премия
по литературе
2014 года

ПАТРИК МОДИАН

Улица Темных Лавок

PREMIUM

Патрик Модiano
Улица Темных Лавок
Серия «Азбука Premium»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739115

*Улица Темных Лавок : роман / Патрик Модiano ; пер. с фр. М. Зониной. : збука, Азбука-Аттикус;
Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-09350-8*

Аннотация

«Я – никто. Просто светлый силуэт, в этот вечер, на террасе кафе». Этими словами начинается роман Патрика Модiano «Улица Темных Лавок», удостоенный Гонкуровской премии и переведенный на многие языки мира. Ги Ролан – такое имя получает пораженный потерей памяти герой от частного детектива, к которому обратился с просьбой разыскать следы его прошлой жизни. Дальнейшее расследование ему придется вести самому, шаг за шагом приближаясь к необыкновенной разгадке своей судьбы.

Содержание

I	5
II	8
III	14
IV	17
V	22
VI	23
VII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Патрик Модiano Улица Темных Лавок

Посвящается Руди

Посвящается моему отцу

Patrick Modiano
Rue des Boutiques Obscures

Copyright © Editions Gallimard, Paris, 1978
Перевод с французского Марии Зониной
Оформление Вадима Пожидаева

© М. Зонина, перевод, 1987

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014 Издательство АЗБУКА®

I

Я – никто. Просто светлый силуэт, сегодня вечером, на террасе кафе. Не успел Хютте уйти, как хлынул дождь, настоящий ливень, и мне пришлось ждать, пока он перестанет.

За несколько часов до этого мы с Хютте в последний раз встретились в агентстве. Он сидел, как всегда, за массивным письменным столом, но пальто не снял, и поэтому действительно чувствовалось, что он уезжает. Я сидел напротив него в кожаном кресле, предназначенном для клиентов. Яркий свет лампы с абажуром из опалового стекла бил мне прямо в глаза.

– Ну что, Ги... Вот и все... – вздохнул Хютте.

На столе валялась папка. Может, с делом того черноволосого коротышки с растерянным взглядом и отечным лицом, который поручил нам следить за своей женой. Во второй половине дня она встречалась с другим черноволосым коротышкой с отечным лицом в меблированных комнатах на улице Виталь, недалеко от авеню Поль-Думер.

Хютте задумчиво поглаживал щеки, заросшие седеющей щетиной. Большие светлые глаза смотрели отрешенно. Слева от стола стоял плетеный стул, на котором я сидел, когда работал. За спиной Хютте почти полстены занимали стеллажи темного дерева с ежегодниками Боттена, телефонными и прочими справочниками за последние пятьдесят лет. Хютте часто говорил мне, что это для него незаменимое подспорье – без них он как без рук. И что ни одна библиотека не содержит столько ценных и волнующих сведений, ибо на страницах этих справочников можно обнаружить следы давно исчезнувших людей и обстоятельств их жизни – отголоски целых миров, о которых могут поведать они одни.

– Что вы собираетесь делать со всеми этими справочниками? – спросил я Хютте, обводя широким жестом полки.

– Да ничего, Ги. Я хочу оставить помещение за собой.

Он окинул кабинет быстрым взглядом. Двустворчатая дверь в соседнюю комнату была распахнута, и я видел стоявший там потертый бархатный диван, камин и зеркало, в котором отражались ряды адресных книг, справочников и лицо Хютте. Клиенты обычно ждали приема в этой комнате. Паркет был покрыт персидским ковром. На стене у окна висела икона.

– О чем вы думаете, Ги?

– Ни о чем. Значит, вы сохраните за собой помещение?

– Да. Я собираюсь время от времени приезжать в Париж и хотел бы останавливаться здесь.

Он протянул мне портсигар.

– По-моему, будет не так грустно, если ничего тут не трогать.

Мы проработали вместе больше восьми лет. Хютте сам создал агентство частного сыска в 1947 году, и до меня у него сменилось немало сотрудников. Мы сообщали нашим клиентам интересующие их подробности «светской хроники», по выражению Хютте. Ведь наши отношения с клиентами, любил он повторять, – это отношения «людей светских».

– Вы считаете, что сможете жить в Ницце?

– Ну конечно.

– И вы не будете там скучать?

Он выдохнул сигаретный дым.

– Надо же когда-то уйти на покой, Ги.

Он тяжело поднялся. Хютте весил, наверное, более ста килограммов и был почти двухметрового роста.

– Поезд отходит в двадцать пятьдесят пять. Мы успеем еще выпить по рюмочке...

Я пошел за ним по коридору, который вел в прихожую. Она была странной овальной формы, с выцветшими желтоватыми стенами. На полу стоял черный портфель, набитый доверху – его даже не удалось закрыть. Хютте поднял его. Он нес портфель под мышкой, придерживая другой рукой.

– У вас нет вещей?

– Я все отправил багажом.

Хютте открыл входную дверь, и я погасил свет в прихожей. На площадке он чуть помедлил, прежде чем захлопнуть дверь, и от металлического щелчка у меня екнуло сердце. Звук этот отмечал конец долгого периода моей жизни.

– Тоска берет, а, Ги? – сказал Хютте и, вынув из кармана пальто большой носовой платок, вытер им лоб.

На двери все еще висела прямоугольная табличка черного мрамора, на которой было выведено блестящими золотыми буквами:

К. М. ХЮТТЕ

Частное сыскное агентство

– Пусть висит, – сказал Хютте и повернул ключ в замке.

Мы пошли по авеню Ньель к площади Перейр. Уже совсем стемнело. Несмотря на начало зимы, воздух был теплым. Дойдя до площади, мы сели за столик на террасе кафе «Гортензия». Хютте любил это кафе, потому что там стояли плетеные стулья, как в прежние времена.

– А вы-то что будете делать, Ги? – спросил он, отпив глоток коньяка, разбавленного водой.

– Я? Пойду по следу.

– По следу?

– Ну да. По следу своего прошлого.

Я произнес эту фразу торжественным тоном, и он улыбнулся:

– Я всегда верил, что в конце концов вы отыщете свое прошлое.

Теперь он был серьезен, и это меня тронуло.

– Но видите ли, Ги, я спрашиваю себя, стоит ли его искать...

Он замолчал. О чем он думал? О собственном прошлом?

– Вот вам ключ. Заходите туда. Мне это будет приятно.

Он протянул мне ключ, и я сунул его в карман брюк.

– И позвоните мне в Ниццу. Я хочу быть в курсе... ваших поисков прошлого...

Он встал и пожал мне руку.

– Я провожу вас?

– О нет, нет... Слишком печальный ритуал...

Он стремительно, не оглядываясь, вышел из кафе, и я ощутил какую-то пустоту в душе. Этот человек многое значил для меня. Неизвестно, что стало бы со мной без него, без его помощи десять лет назад, когда я был внезапно поражен амнезией и жил, словно блуждая в тумане. Его тронула моя судьба, и благодаря многочисленным связям ему удалось даже раздобыть мне документы.

– Вот, держите, – сказал он, протягивая мне большой конверт с удостоверением личности и паспортом. – Вас теперь зовут Ги Ролан.

И детектив Хютте, к которому я обратился как к специалисту, чтобы он разыскивал свидетелей или хотя бы следы моей прошлой жизни, добавил:

– Дорогой мой Ги Ролан, с этой минуты перестаньте оглядываться назад, думайте о настоящем и будущем. Я предлагаю вам работать со мной.

Он почувствовал ко мне симпатию потому, наверное, – я узнал об этом лишь какое-то время спустя, – что его собственные следы тоже оборвались и целый кусок его жизни мгновенно канул в Лету, не оставив никакой зацепки, ни малейшей путеводной нити, которая могла бы хоть как-то связать его с прошлым. И правда, что может быть общего между этим изможденным стариком в поношенном пальто, уходившим от меня в ночь с большим черным портфелем под мышкой, и бывшим теннисистом, белокурым красавцем – остзейским бароном Константином фон Хютте?

II

- Алло! Месье Поль Зонахидзе?
- Он самый.
- Это Ги Ролан... Помните, я...
- Как же, конечно помню! Мы можем увидеться?
- Да, конечно.
- Давайте вечером, ну, скажем, в девять, в баре на Анатоль-де-ла-Форж... Устроит?
- Договорились.
- Жду вас. Пока.

И он тут же повесил трубку; от волнения у меня по вискам струился пот. Перед тем как набрать номер, я выпил для храбрости рюмку коньяка. Ну почему даже такой пустяк, простой звонок по телефону, стоит мне мучительных усилий и напряжения?

В баре на Анатоль-де-ла-Форж было пусто, он стоял за стойкой, но не в куртке бармена, а в пиджаке.

- Как удачно вышло, – сказал он. – По средам вечером я не работаю.
- Подойдя, он положил руку мне на плечо.
- Я много думал о вас.
- Спасибо.
- У меня из головы не выходит ваша история...

Я хотел ему сказать, чтоб он так уж из-за меня не переживал, но не смог выдать из себя ни слова.

– Теперь мне кажется, что вы иногда появлялись с человеком, которого я часто видел в то время... Но с кем именно... – Он покачал головой. – Может, вы мне поможете?

- Нет.
- Почему?
- Я ничего не помню, мсье.

Он принял это за шутку и, словно играя со мной в какую-то игру или отгадывая загадку, сказал:

- Ладно. Сам справлюсь. Вы предоставляете мне свободу действий?
- Как скажете...
- Тогда поехали ужинать к моему другу.

Перед тем как выйти, он резким движением отключил электрический счетчик и запер на несколько оборотов массивную деревянную дверь.

Его машина стояла на другой стороне улицы. Черная, новая. Он предупредительно распахнул передо мной дверцу.

– Мой друг держит очень милый ресторанчик, как раз на границе Виль-д’Авре с Сен-Клу.

- И мы едем в такую даль?
- Да.

С улицы Анатоль-де-ла-Форж мы свернули на авеню Гранд-Арме, и мне вдруг захотелось выскочить из машины. Я чувствовал, что не в силах ехать в Виль-д’Авре. Но надо было взять себя в руки.

На всем пути до Порт-Сен-Клу я пытался побороть душивший меня панический страх. Я был едва знаком с этим Зонахидзе. Может, он заманивает меня в ловушку? Но, слушая его, я понемногу успокоился. Он рассказывал мне о различных этапах своей профессиональной жизни. Сначала он работал в русских ночных клубах, потом в «Ланже» – так назывался ресторан в садах у Елисейских Полей, потом в отеле «Кастилия», на улице Камбон, и во

множестве других заведений, пока наконец не попал в бар на Анатоль-де-ла-Форж. Но куда бы он ни переходил, он всегда работал вместе с Жаном Эртером – тем самым другом, к которому мы сейчас направлялись. Шутка ли, двадцать лет они шли как бы в одной упряжке. У Эртера тоже хорошая память. Уж вдвоем-то они разгадают мою «загадку».

Зонахидзе ехал очень осторожно, и дорога заняла у нас почти три четверти часа.

Левую сторону этого строения, похожего на бунгало, скрывали ветви плакучей ивы. Справа росли тесно посаженные кусты. Из глубины просторного, ярко освещенного зала нам навстречу шел человек. Он протянул мне руку:

– Рад познакомиться, месье. Жан Эртер.

Потом повернулся к Зонахидзе:

– Привет, Поль.

Он привел нас в дальний конец зала. Там был накрыт столик на три персоны. В центре столика стояли цветы.

Эртер показал на одну из застекленных дверей:

– Во втором бунгало зал занят. Там свадьба.

– Вы здесь бывали? – спросил Зонахидзе.

– Нет.

– Ну-ка, Жан, покажи ему, какой вид отсюда.

Я последовал за Эртером на веранду, выходящую на пруд. Слева от меня через пруд был перекинут горбатый мостик в китайском стиле, ведущий в то, второе бунгало. За стеклянными дверьми в резком свете двигались пары. Там танцевали. До нас доносились еле уловимые звуки музыки.

– Здесь всего несколько пар, – сказал он. – Боюсь, эта свадьба закончится оргией.

Он пожал плечами.

– Вы должны приехать к нам летом. У нас ужинают на веранде. Это так приятно.

Мы вернулись в ресторан, и Эртер затворил стеклянную дверь.

– Я приготовил вам легкий ужин, без затей.

Он жестом пригласил нас к столу. Они сели рядом, напротив меня.

– Какие вина вы предпочитаете? – спросил Эртер.

– Полагаюсь на вас.

– «Шато-петрюс»?

– Отличная мысль, Жан, – сказал Зонахидзе.

Подавал нам молодой человек в белой куртке. Свет бра, висевшего над столиком, бил мне прямо в глаза. Эртер и Зонахидзе оставались в тени, они наверняка посадили меня так нарочно, чтобы легче было разглядывать.

– Ну, Жан?

Эртер принялся за заливное, время от времени бросая на меня пронизывающие взгляды. У него были такие же темные волосы, как у Зонахидзе, и тоже крашенные. Сухая кожа, дряблые щеки и тонкие губы гурмана.

– Да-да... – прошептал он.

Я не переставая моргал – из-за света. Он разлил вино.

– Да-да... Мне кажется, я где-то вас видел.

– Настоящая головоломка, – произнес Зонахидзе. – И месье отказывается помочь нам...

Он, судя по всему, вошел во вкус.

– Но может, вы не хотите больше говорить об этом? Предпочитаете остаться инкогнито?

– Вовсе нет, – улыбнулся я.

Молодой человек подал телятину.

– Чем вы занимаетесь? – спросил Эртер.

– Я проработал восемь лет в частном сыском агентстве Хютте.

Они ошарашенно уставились на меня.

– Но это наверняка не имеет отношения к моей прошлой жизни. Не принимайте этого в расчет.

– Странно, – заметил Эртер, пристально глядя на меня, – я бы не смог сказать, сколько вам лет.

– Наверное, из-за усов.

– Не будь у вас усов, – проговорил Зонахидзе, – мы, может, сразу бы вас узнали.

Он протянул руку и, приставив ладонь к моей верхней губе, чтобы закрыть усы, прищурился, словно портретист перед моделью.

– Чем больше я на вас гляжу, тем больше мне кажется, что вы появлялись в компании тех гуляк... – начал Эртер.

– Но когда? – спросил Зонахидзе.

– Ну... очень давно... Мы уже целую вечность не работаем в ночных заведениях, Поль...

– Думаешь, еще в эпоху «Танагры»?

Эртер не сводил с меня глаз, и взгляд его становился все более напряженным.

– Простите, – сказал он, – вы не могли бы на минутку встать?

Я повиновался. Он оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы.

– Да-да, вы напоминаете мне одного нашего клиента... Тот же рост... Постойте...

Он поднял руку и замер, словно пытался удержать что-то, стремительно ускользавшее от него...

– Постойте, постойте... Все, я вспомнил, Поль... – Он торжествующе улыбнулся. – Можете сесть.

Эртер ликовал. Он не сомневался, что его сообщение поразит нас. С нарочитой церемонностью он подлил вина нам в бокалы.

– Так вот... Вы всегда приходили с одним человеком... таким же высоким... Может, даже выше... Не вспоминаешь, Поль?

– О каком времени ты говоришь? – спросил Зонахидзе.

– О временах «Танагры», само собой.

– Такой же высокий? – пробормотал себе под нос Зонахидзе. – В «Танагре»?

– Не помнишь? – Эртер пожал плечами.

Теперь пришла очередь Зонахидзе торжествующе улыбаться. Он кивнул:

– Помню...

– Ну?

– Степа.

– Правильно. Степа.

Зонахидзе повернулся ко мне:

– Вы знаете Степу?

– Может быть, – сказал я осторожно.

– Ну конечно, – подтвердил Эртер, – вы часто приходили со Степой... я уверен...

– Степа...

Судя по тому, как Зонахидзе его произносил, имя было русское.

– Он всегда заказывал оркестру «Алаверды»... – сказал Эртер. – Это кавказская песня...

– Помните? – спросил Зонахидзе, изо всех сил сжимая мне запястье. – «Алаверды»...

Он начал насвистывать мелодию, и глаза его заблестели. Я тоже вдруг растрогался. Мне казалось, я узнаю эту мелодию.

Тут к Эртеру подошел официант, подававший нам ужин, и указал в глубину зала.

Там в полумраке за столиком, подперев ладонями голову, одиноко сидела женщина в бледно-голубом платье. О чем она думала?

– Новобрачная.

– Что она тут делает? – спросил Эртер.

– Не знаю, – ответил официант.

– Ты не спросил, может, ей что-нибудь надо?

– Нет-нет, ей ничего не надо.

– А остальным?

– Они заказали еще десять бутылок «Крюга».

Эртер пожал плечами:

– Меня это не касается.

Зонахидзе, не обращая внимания на новобрачную и на их разговор, настойчиво повторял:

– Ну... Степа... Вы помните Степу?

Он был так возбужден, что в конце концов я ответил ему с загадочной улыбкой:

– Да-да. Немного.

Он обернулся к Эртеру и торжественно произнес:

– Он помнит Степу.

– Я так и думал.

Официант, не двигаясь, стоял возле Эртера, и вид у него был растерянный.

– Месье, мне кажется, они займут номера... Что делать?

– Я же говорил, эта свадьба плохо кончится... Ладно, старина, пусть себе... Нас это не касается...

Новобрачная по-прежнему неподвижно сидела за столиком. Только руки скрестила.

– Интересно, чего она там сидит в одиночестве? – сказал Эртер. – Впрочем, нас это совершенно не касается.

И он махнул рукой, точно отгоняя муху.

– Вернемся к нашим баранам, – сказал он. – Значит, вы подтверждаете, что знали Степу?

– Да, – вздохнул я.

– Стало быть, вы принадлежали к их компании... А отличные были ребята, черт возьми, да, Поль?

– Да уж... Но все исчезли, – подавленно произнес Зонахидзе. – Вот только вы, месье... Я рад, что нам удалось вас... локализовать... Вы были в компании Степы... Поздравляю... Та эпоха куда лучше нашей... а главное – люди были иного сорта, не то что теперь...

– Главное – мы были моложе, – усмехнулся Эртер.

– Когда, в какие годы? – спросил я с бьющимся сердцем.

– Да мы все путаемся в датах, – сказал Зонахидзе. – Во всяком случае, до потопа...

Он внезапно помрачнел.

– Бывают же совпадения... – сказал Эртер.

Он встал, подошел к невысокой стойке в углу и вернулся к нам, листая газету. Потом протянул ее мне, указывая на объявление:

Дочь, сын, внуки, племянники и внучатые племянники, а также друзья – Жорж Сашер и Степа де Джагорьев – с прискорбием извещают о кончине Мари де Резан, воспоследовавшей 25 октября, на девяносто втором году жизни.

Погребение на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа после отпевания в кладбищенской часовне 4 ноября в 16 часов.

Заупокойная служба девятого дня состоится 5 ноября в русской православной церкви: Париж, XVI округ, ул. Клод-Лоррен, 19.

Специальные уведомления рассылаться не будут.

– Так, значит, Степа жив? – спросил Зонахидзе. – Вы с ним видите?

– Нет, – сказал я.

– И правильно. Надо жить настоящим. Ну что, Жан, коньячку напоследок?

– Сейчас.

С этой минуты они, казалось, потеряли всякий интерес к Степе и к моему прошлому. Но это уже не имело значения. Я напал хоть на какой-то след.

– Вы не дадите мне эту газету? – спросил я с деланным безразличием.

– Конечно, – сказал Эртер.

Мы чокнулись. Итак, от того, кем я был когда-то, остался лишь смутный силуэт в памяти двух барменов, да и то заслоненный наполовину фигурой некоего Степы де Джагорьева. А об этом Степе они ничего не слышали со времен «потопа», как выразился Зонахидзе.

– Значит, вы частный детектив? – спросил Эртер.

– Уже нет. Мой патрон ушел на покой.

– А вы? Продолжаете этим заниматься?

Не отвечая, я пожал плечами.

– Как бы то ни было, я рад с вами познакомиться. Приходите, вы всегда будете здесь желанным гостем.

Он уже встал и протягивал нам руку.

– Простите меня... Я вас выставляю, мне надо заняться бухгалтерией... А тут еще они... только оргий мне не хватало...

Он кивнул в сторону пруда.

– До свиданья, Жан.

– До свиданья, Поль.

Эртер задумчиво посмотрел на меня. И сказал, растягивая слова:

– Теперь, когда вы встали, у меня в памяти возникает совсем другой человек...

– Кто же? – спросил Зонахидзе.

– Один постоялец из отеля «Кастилия», который всегда возвращался поздно ночью... когда мы там работали...

Зонахидзе, в свою очередь, окинул меня взглядом.

– А что, – заметил он, – может, вы и жили когда-то в «Кастилии»...

Я растерянно улыбнулся.

Зонахидзе взял меня под руку, и мы направились к выходу. В зале стало еще темнее, чем раньше. Новобрачной в бледно-голубом платье за столиком уже не было. Когда мы вышли, с той стороны пруда до нас долетели всплески музыки и смех.

– Прошу вас, – обратился я к Зонахидзе, – если вам не трудно, напомните мне мелодию песни, которую заказывал этот, как его...

– Степа?

– Да.

Он стал насвистывать первые такты. Потом остановился.

– Вы хотите встретиться со Степой?

– Может быть.

Он с силой сжал мне руку:

– Скажите ему, что Зонахидзе часто думает о нем.

Его взгляд задержался на мне.

– Кто знает, может, Жан и прав. Вы были постояльцем отеля «Кастилия»... Постарайтесь вспомнить... отель «Кастилия», улица Камбон...

Я повернулся и открыл дверцу автомобиля. Кто-то съехал на переднем сиденье, прижавшись лбом к стеклу. Я наклонился и узнал новобрачную. Она спала, бледно-голубое платье задралось выше колен.

– Надо как-то от нее избавиться, – сказал Зонахидзе.

Я легонько потряс ее, но она не просыпалась. Тогда я обхватил ее за талию и с трудом вытащил из машины.

– Не можем же мы бросить ее прямо на землю, – сказал я и, подняв, отнес на руках в ресторан. Голова молодой женщины откинулась на мое плечо, светлые волосы ласкали шею. Пряный аромат духов напоминал мне что-то. Но что?

III

Было без четверти шесть. Я попросил таксиста подождать меня на улочке Шарль-Мари-Видор, а сам пошел пешком к улице Клод-Лоррен, где находилась русская церковь.

Двухэтажное строение с тюлевыми занавесками на окнах.

Справа тянулась широкая аллея. Я встал на противоположном тротуаре.

Первыми у входа в дом, со стороны улицы, остановились две женщины. Одна из них, темноволосая, коротко стриженная, была в черном шерстяном платке. На голове другой, сильно накрашенной блондинки, красовалась серая шляпа, по форме напоминавшая мушкетерскую. Я слышал, что они говорят по-французски.

Подъехал такси, из него с трудом выбрался совершенно лысый, тучный старик с набрякшими мешками под узкими раскосыми глазами. Он пошел по аллее.

Слева, свернув с улицы Буало, ко мне приближалась группа из пяти человек. Две немолодые женщины вели под руки старичка, бледного и хрупкого, словно из гипса. За ними шли двое мужчин, наверное отец и сын, очень уж они были похожи друг на друга – оба в серых элегантных костюмах в полоску, – отец выглядел как-то фатовато, у сына были белокурые выющиеся волосы. Их догнала машина, откуда вылез другой старик с седыми волосами ежиком, подтянутый и быстрый, в пелерине из плотного сукна. Выправка у него была военная. Не он ли Степа?

Все они вошли в церковь через боковой придел, в конце аллеи. Мне хотелось пойти за ними, но мое присутствие среди этих людей наверняка привлекло бы внимание. Меня все больше мучила тревога, что я так и не угадаю, кто из них Степа.

Справа поодаль остановился автомобиль. Из него вышли двое мужчин, потом женщина. Один мужчина, очень высокий, был в темно-синем пальто. Я перешел улицу и ждал, пока они поравняются со мной.

Они подходят все ближе, ближе. Мне кажется, что высокий, прежде чем свернуть в аллею вместе с остальными, бросает на меня пристальный взгляд. Сквозь витражи окон, выходящих на аллею, видны горящие свечи. Он наклоняется, чтобы пройти в дверь, слишком низкую для него, и во мне возникает уверенность, что это и есть Степа.

Мотор такси работал, но шофера за рулем не оказалось. Дверца была приоткрыта, будто он должен был вот-вот вернуться. Куда он мог подеваться? Осмотревшись, я решил поискать его где-нибудь поблизости.

Я обнаружил его в кафе неподалеку, на улице Шардон-Лагаш. На столике перед ним стояла кружка пива.

– Вы еще долго? – спросил я.

– Ну... минут двадцать.

Белокожий блондин, пухлые щеки, голубые глаза навывкате. Пожалуй, я никогда не встречал человека с такими мясистыми ушными мочками.

– Ничего, что я не выключил счетчик?

– Ничего, – сказал я.

Он мило улыбнулся.

– Не бойтесь, что такси угонят?

Он пожал плечами:

– Да ну...

Ему принесли бутерброд с ветчиной, и он деловито принялся за него, не спуская с меня тусклого взгляда.

– А кого вы, собственно, ждете?

– Да тут, одного... он должен сейчас выйти из русской церкви.

– Вы русский?

– Нет.

– Глупо как-то... Вы б его спросили, когда он выйдет... Дешевле обошлось бы...

– Ничего не поделаешь.

Он заказал еще пива.

– Я не мог бы попросить вас купить мне газету?

Он полез было в карман, но я остановил его:

– Что вы...

– Спасибо. Купите мне «Эриссон». И еще раз спасибо... вот...

Я долго блуждал в поисках продавца газет и обнаружил его только на Версальской авеню. «Эриссон» оказался газетенкой, напечатанной на бумаге болотного цвета.

Он читал, нахмутив брови, и слюнявил палец кончиком языка, чтобы перевернуть страницу. А я смотрел, как этот полный блондин с голубыми глазами и белой кожей читает зеленую газету.

Я не решался прервать его чтение. Наконец он взглянул на свои миниатюрные часики.

– Пора идти.

На улице Шарль-Мари-Видор он сел за руль, и я попросил подождать меня. А сам встал на прежнее место перед церковью, но на противоположном тротуаре. Никого не было видно. Вдруг они уже ушли? Тогда у меня нет никакой надежды вновь отыскать следы Степы де Джагорьева, потому что это имя не значится в парижском справочнике Боттена. За витражами по-прежнему горели свечи. Знал ли я прежде эту старую даму, которую отпевают сегодня? Если я когда-то бывал у Степы, он, наверное, знакомил меня со своими друзьями, возможно и с этой Мари де Резан. Она и тогда, видимо, была уже немолода.

Дверь в придел, где служили панихиду, – через нее они и вошли, – дверь, с которой я теперь не спускал глаз, внезапно открылась, и в проеме появилась светловолосая женщина в мушкетерской шляпе. За ней брюнетка в черном платке. Потом отец и сын в серых полосатых костюмах – они поддерживали гипсового старичка, говорившего что-то лысому толстяку с монгольским разрезом глаз. Наклонившись, тот почти вплотную приблизил ухо к губам собеседника: голос гипсового старичка был, наверное, еле уловим, как слабое дыхание. Остальные шли следом. Я ждал с бьющимся сердцем, когда появится Степа.

Наконец он вышел – одним из последних. Народу оказалось много, человек сорок, не меньше, но я не терял Степу из виду благодаря его росту и темно-синему пальто. В большинстве своем это были люди пожилые, но я заметил и несколько молодых женщин и даже двоих детей. Никто не расходился, они все стояли на аллее и разговаривали.

Это напоминало переменку в провинциальной школе. Старичка с гипсово-белым лицом усадили на скамейку, и все по очереди почтительно подходили поздороваться с ним. Кто он? Жорж Сашер, подписавший извещение о панихиде? Или бывший воспитанник Пажеского корпуса? А может, он и эта дама, Мари де Резан, пережили мимолетный роман, еще там, в Петербурге, или на берегу Черного моря, до того как рухнул их мир? Лысый толстяк с монгольским разрезом глаз тоже был в центре внимания. Отец и сын в серых элегантных костюмах сновали от одной группки к другой, как наемные танцоры от столика к столику. Вид у них был в высшей степени самодовольный, отец время от времени смеялся, запрокидывая голову, и я подумал, что этот хохот более чем неуместен.

А вот Степа вел серьезный разговор с женщиной в серой мушкетерской шляпе. Он то брал ее за руку, то касался плеча с почтительной нежностью. Наверное, когда-то он был красавцем. Я дал бы ему лет семьдесят. Лицо у него было чуть оплывшим, волосы у лба сильно поредели, но крупный нос и гордая посадка головы выдавали в нем подлинного аристократа. Во всяком случае, так мне показалось на расстоянии.

Время шло. Они разговаривали уже почти полчаса. Я боялся, что кто-нибудь в конце концов заметит меня, одиноко стоящего неподалеку. А таксист? Я быстрым шагом направился на улицу Шарль-Мари-Видор. Мотор по-прежнему работал, таксист сидел за рулем, погрузившись в чтение болотно-зеленой газетенки.

– Ну что? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Может, придется подождать еще часок.

– Ваш друг так и не вышел из церкви?

– Вышел, но он разговаривает с друзьями.

– И вы не можете его поторопить?

– Нет.

Большие голубые глаза остановились на мне с выражением неподдельной тревоги.

– Не беспокойтесь, – сказал я. – Все будет в порядке.

– Так я из-за вас... Я ведь обязан не выключать счетчик.

Я снова вернулся на свой наблюдательный пункт против русской церкви.

Степа продвинулся на несколько метров. Он был уже не на аллее, а на тротуаре, вокруг него стояли светловолосая женщина в мушкетерской шляпе, брюнетка в черном платке, лысый с узкими монгольскими глазами и еще двое мужчин.

На этот раз я перешел улицу и остановился возле них, но повернулся спиной. Меня обволакивали ласкающие всплески русских голосов, и я подумал, что самый низкий тембр, подобный гуду медного колокола, принадлежит, наверное, Степе. Я обернулся. Он обнимал блондинку в мушкетерской шляпе, чуть ли не душил ее в своих объятиях, и лицо его было исполнено страдания. Потом он так же обнял лысого толстяка с раскосыми глазами, да и всех остальных – каждого по очереди. Решив, что он прощается, я побежал к такси и кинулся на сиденье.

– Быстрее... прямо... к русской церкви...

Степа все еще разговаривал.

– Теперь что? – спросил шофер.

– Видите того высокого, в пальто?

– Ну.

– Будете следовать за ним, если он на машине.

Шофер обернулся, посмотрел на меня, и во взгляде его голубых глаз появилась настороженность.

– Надеюсь, это не опасно, месье?

– Не волнуйтесь, – ответил я.

Степа отделился от своей группки, сделал несколько шагов и, не оглядываясь, помахал им рукой. Они неподвижно смотрели ему вслед. Женщина в мушкетерской шляпе стояла, устремившись вперед и выгнувшись, словно деревянная фигура на носу старинного корабля, и ветер чуть шевелил огромное перо на ее шляпе.

Степа долго не мог открыть дверцу машины. Мне даже показалось, что он перепутал ключи. Когда он наконец сел за руль, я наклонился к шоферу:

– Следуйте за машиной, куда сел сейчас тот высокий, в синем пальто...

Только бы, думал я, след, по которому я шел, не оказался ложным, ведь у меня не было решительно никаких оснований считать, что человек в машине и есть Степа де Джагорьев.

IV

Следовать за ним было нетрудно – он вел машину медленно. Но у Порт-Майо он проехал на красный свет, а мой таксист на это не решился. На бульваре Морис-Баррес мы его догнали. Обе машины снова оказались рядом у перехода. Он скользнул по мне рассеянным взглядом, каким обычно обмениваются водители, попавшие в пробку.

Он поставил машину в конце бульвара Ричард-Уоллес, возле последних домов – у самой Сены, неподалеку от моста Пюто, – и вышел. Дождавшись, пока он свернет на бульвар Жюльен-Потен, я расплатился с шофером.

– Желаю удачи, – сказал он. – Будьте осторожны...

Направляясь вслед за Степой к бульвару Жюльен-Потен, я не сомневался, что таксист провожает меня взглядом. Может, он боялся за меня.

Смеркалось. По обеим сторонам узкой улицы тянулись ряды безликих домов, построенных между двумя войнами, образуя сплошной бесконечный фасад. Степа шел впереди, метрах в десяти от меня. Он свернул направо, на улицу Эрнест-Делуазон, и вошел в бакалейную лавку.

Вот теперь-то и следовало с ним заговорить. Мне это казалось невероятно трудным, я был слишком застенчив и к тому же боялся, что он примет меня за сумасшедшего, – я, конечно, начну заикаться, что-то бессвязно бормотать... Вот разве что он сразу узнает меня, и тогда, может быть, мне придется только слушать.

Он вышел из лавки с бумажным пакетом в руках.

– Месье Степа де Джагорьев?

На его лице выразилось крайнее изумление. Мы оказались одного роста, стояли лицом к лицу, и от этого я смутился еще больше.

– Он самый. А с кем имею честь?

Нет, он не узнавал меня. По-французски он говорил совсем без акцента. Теперь мне надо было набраться мужества.

– Я... я уже давно хочу с вами встретиться...

– Почему, месье?

– Видите ли... я... пишу книгу об эмиграции... Я...

– Вы русский?

Уже второй раз мне задают сегодня этот вопрос. Шофер такси тоже спрашивал. Кто знает, может, когда-то я и был русским...

– Нет.

– И вы интересуетесь эмиграцией?

– Я... я пишу книгу об эмиграции. Понимаете... один человек... он... посоветовал мне встретиться с вами... Поль Зонахидзе...

– Зонахидзе?

Он произнес эту фамилию на русский манер – очень мягко, словно листья прошелетели на ветру.

– Грузинская фамилия... Не знаю...

Он нахмурился, силясь вспомнить.

– Зонахидзе... нет...

– Мне очень неловко беспокоить вас, месье, но позвольте задать вам несколько вопросов.

– Прошу вас, с превеликим удовольствием...

Он как-то печально улыбнулся.

– Эмиграция – трагическая тема... Но почему вы называете меня Степой?

– Я... не...

– Большинства людей, которые так меня звали, уже нет в живых. Остальных можно буквально по пальцам пересчитать.

– Видите ли, этот Зонахидзе...

– Да я его не знаю.

– Вы позволите... задать вам... несколько вопросов?

– Конечно. Может, поднимемся ко мне? Поговорим там...

Пройдя по бульвару Жюльен-Потен, миновав ворота, мы пересекли сквер, окруженный домами. Поднялись на деревянном лифте с двустворчатой решетчатой дверцей. Из-за нашего роста и тесноты лифта нам пришлось наклонить головы и отвернуться друг от друга, чтобы не столкнуться лбами.

Он жил на шестом этаже, в двухкомнатной квартире. Я прошел за ним в спальню, и он тотчас же растянулся на кровати.

– Простите, – сказал он. – Но потолок здесь слишком низкий. Я задыхаюсь, когда стою.

И действительно, между моей головой и потолком оставалось всего несколько сантиметров, так что и мне пришлось нагнуться. Мы оба были почти на голову выше двери, соединяющей смежные комнаты, и я представил себе, что он, должно быть, не раз ударялся лбом о притолоку.

– Прилягте тоже... если хотите. – Он указал мне на диванчик возле окна, обитый светло-зеленым бархатом. – Не стесняйтесь... Так гораздо удобнее... Здесь даже сидя чувствуешь себя как в клетке. Прошу вас, ложитесь...

Я лег.

Он зажег лампу под бледно-розовым абажуром, стоявшую на столике у кровати, по комнате разлился неяркий свет, и на потолке заиграли тени.

– Так вы интересуетесь эмиграцией?

– Очень.

– Но вы же еще молоды...

Молод? Мне никогда не приходило в голову, что я молод. Надо мной на стене висело большое зеркало в позолоченной раме. Я всмотрелся в свое лицо. Молод?

– Ну... не так уж я и молод...

Мы помолчали. Мы лежали в разных углах комнаты, будто курильщики опиума.

– Я был сейчас на панихиде, – сказал он. – Жалко, вы не знали покойную... Эта старая дама могла бы многое вам рассказать... Она была одной из самых замечательных представительниц эмиграции...

– Правда?

– Очень мужественная женщина. Вначале она открыла небольшую чайную на улице Мон-Табор, всем помогала. А это очень нелегко...

Он сел на кровати, сторбившись и скрестив на груди руки.

– Мне было тогда пятнадцать лет... Если посчитать, нас осталось совсем немного...

– Остался... Жорж Сашер? – бросил я наугад.

– Ну, он недолго протянет... Вы с ним знакомы?

Кто это? Гипсовый старичок? Или лысый толстяк с монгольским разрезом глаз?

– Знаете что, – сказал он. – Я больше не в силах говорить обо всем этом. Слишком грустно становится... Я просто покажу вам фотографии... На обороте стоят имена и даты... сами разберетесь...

– Мне так неловко вас беспокоить, вы очень любезны...

Он улыбнулся:

– У меня куча фотографий... И на каждой я написал имена и даты, ведь все забывается...

Он встал и, пригнувшись, прошел в соседнюю комнату.

Я услышал, как он выдвигает ящик. Он вернулся с большой красной коробкой и сел на пол, прислонившись к кровати.

– Садитесь рядом. Удобнее будет смотреть.

Я повиновался. На крышке готическими буквами было выведено имя кондитера. Он открыл ее. Коробка оказалась доверху набита фотографиями.

– Здесь перед вами, – сказал он, – все главные действующие лица эмиграции.

Одну за другой передавал он мне фотографии, называя имена и даты, которые прочитывал на обороте, и этому монотонному поминальному чтению русские имена придавали особое звучание – то раскатистое, как удар тарелок, то жалобное или почти приглушенное. Трубецкой. Орбелиани. Шереметев. Голицын. Эристов. Оболенский. Багратион. Чавчавадзе... Иногда он забирал у меня фотографию и снова рассматривал, проверяя имя и дату. Праздничные снимки. За столом у великого князя Бориса во время торжественного приема в его баскском замке спустя много лет после революции. Множество лиц на ужине, черно-белый снимок, 1914 год... Фотографии класса Александровского лицея в Петербурге.

– А вот мой старший брат...

Он передавал мне фотографии все быстрее, уже почти не глядя на них. Он явно спешил поскорее покончить с этим делом. Внезапно мой взгляд задержался на снимке, отпечатанном на более плотной бумаге, чем остальные; на обороте ничего не было написано.

– Вас здесь что-то заинтересовало, месть? – спросил он.

На переднем плане в кресле, выпрямившись, сидит улыбающийся старик. Позади него – молодая белокурая женщина с очень светлыми глазами. Вокруг них – группки людей, многие стоят спиной к объективу. А в левой части снимка – очень высокий мужчина лет тридцати, на нем светлый костюм в мелкую клеточку, он черноволосый, с тонкими усиками, его правая рука не вошла в кадр, а левая лежит на плече молодой блондинки. И мне вдруг показалось, что это я.

Я придвинулся к Степе. Мы сидели, опираясь спиной на кровать, вытянув ноги, наши плечи соприкасались.

– Скажите, кто эти люди? – спросил я.

Он взял фотографию и устало взглянул на нее.

– Это Джорджадзе... – Он показал на старика, сидящего в кресле. – Работал в грузинском консульстве в Париже до самой...

Он не кончил фразу, считая, что мне и без слов понятно остальное.

– Это его внучка... Ее звали Гэй... Гэй Орлова... Она с родителями эмигрировала в Америку...

– Вы знали ее?

– Плохо. В общем, нет. Она долго жила в Америке.

– А это кто? – спросил я еле слышно, показав на того, в ком, мне показалось, я узнал себя.

– Это? – Степа сдвинул брови. – Его я не знаю.

– Не знаете?

– Нет.

Я с трудом перевел дыхание:

– Вам не кажется, что я на него похож?

Он посмотрел на меня:

– Похож? Не нахожу... А что?

– Так, ничего...

Но он уже протягивал мне другую фотографию.

– Вот, не угодно ли... великая вещь – случай...

Это был снимок маленькой девочки в белом платьице, с длинными белокурыми волосами, ее сфотографировали на курорте – вдаль виднелись кабинки для переодевания, кусок пляжа и море. На обороте было написано фиолетовыми чернилами: «Галина Орлова – Ялта».

– Видите... это она же... Гэй Орлова... Ее звали Галина... Американское имя появилось позже. – И он показал на первую фотографию, которую я по-прежнему держал в руке. – Мама все хранила...

Он резко поднялся.

– Разрешите на этом остановиться? У меня что-то голова закружилась. – Он провел ладонью по лбу. – Пойду переоденусь... Если хотите, можем вместе поужинать.

А я остался сидеть на полу среди раскиданных фотографий. Потом убрал их в большую красную коробку, отложив на кровать только две: ту, где я стоял рядом с Гэй Орловой и стариком Джорджадзе, и ялтинский снимок Гэй Орловой в детстве. Потом встал и подошел к окну.

Уже стемнело. Окно выходило на другой сквер, тоже окруженный домами. За ними – Сена, слева – мост Пюто. И вытянувшийся остров. По мосту мчались вереницы автомобилей. Я смотрел на фасады, на освещенные окна – такие же, как то окно, за которым стоял я, и в этих сотах, в лабиринте зданий, лестниц и лифтов, я нашел человека, который, быть может...

Я прижался лбом к оконному стеклу. Внизу, подо мной, все подъезды были освещены. Этот желтый свет будет гореть всю ночь.

– Ресторан рядом, – сказал Степа.

Я взял с кровати фотографии.

– Месье де Джагорьев, – сказал я, – не могли бы вы дать мне на время эти фотографии?

– Я их вам дарю.

Он указал на красную коробку:

– Дарю вам все фотографии.

– Но... ведь...

– Берите.

Его тон не допускал возражений, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Когда мы выходили из квартиры, в руках у меня была красная коробка.

Мы вышли из дома и свернули на набережную Генерала Кёнига. Спустились по каменной лестнице. На самом берегу Сены стояло кирпичное здание. Над дверью – вывеска: БАР-РЕСТОРАН ДЕ Л'ИЛЬ. Мы вошли. Зал с низким потолком, столики, покрытые белыми бумажными скатертями, плетеные кресла. В окна видна была Сена и фонари на мосту Пюто. Мы сели за столик в глубине зала. Кроме нас, в ресторане никого не было.

Степа порылся в сумке и выложил на середину стола бумажный пакет, который купил при мне в бакалейной лавке.

– Как обычно? – спросил его официант.

– Как обычно.

– А что подать месье? – спросил официант, указывая на меня.

– То же, что и мне.

Официант очень быстро принес нам две тарелочки с балтийской сельдью и налил в стаканчики величиной с наперсток минеральную воду. Из лежащего на столе пакета Степа вынул огурцы и разделил их между нами.

– Ну, как вам?

– Вполне.

Красную коробку я положил на стул возле себя.

– Она правда вам не нужна? Ведь это память...

– Нет, не нужна. Теперь она ваша. Я передаю вам ее как эстафету.

Ели мы молча. Мимо окна проплыла баржа, так близко, что я успел разглядеть в окно людей, сидевших вокруг стола, – они тоже ужинали.

– А эта... Гэй Орлова, – сказал я. – Вы не знаете, что с ней стало?

– Гэй Орлова? По-моему, она умерла.

– Умерла?

– Мне кажется, да. Я видел ее раза два-три... мы были едва знакомы... Это моя мать дружила со старым Джорджадзе. Еще огурчика?

– Спасибо.

– Она, я слышал, вела в Америке весьма бурную жизнь.

– Вы не знаете, кто мог бы рассказать мне о... Гэй Орловой?

Степа растроганно посмотрел на меня:

– Мой бедный друг... увы... никто... Разве что в Америке...

Проплыла еще одна баржа, неторопливая, темная, словно покинутая.

– Лично я на десерт всегда беру банан, – сказал он. – А вы?

– Я тоже.

Мы съели по банану.

– А родители этой... Гэй Орловой? – спросил я.

– Они, должно быть, скончались в Америке. Умирают, знаете ли, везде...

– А во Франции у Джорджадзе не было родственников?

Он пожал плечами.

– Почему вы так интересуетесь Гэй Орловой? Кто она вам – сестра? – спросил он с милой улыбкой. – Кофе будете?

– Нет, спасибо.

– И я нет.

Он хотел было заплатить за ужин, но я опередил его. Мы вышли из «Бара-ресторана де л'Иль» на набережную, и он взял меня под руку, чтобы подняться по лестнице. Над водой повис туман, мягкий и ледяной, от которого легкие наполнялись такой прохладой, что казалось, будто плывешь по воздуху. Я едва различал очертания домов на набережной, всего в нескольких метрах от нас.

Я довел Степу, точно слепого, до сквера, где единственными приметами были желтые пятна подъездов. Он пожал мне руку.

– Ну что ж, попробуйте найти Гэй Орлову, – сказал он, – раз уж это так для вас важно...

Я смотрел, как он входит в освещенный подъезд. Он остановился и помахал мне рукой. Я замер с большой красной коробкой под мышкой, словно ребенок, получивший подарок на чужих именинах, и в эту минуту я был уверен, что Степа продолжает мне что-то говорить, но туман поглощает звуки его голоса.

V

На почтовой открытке – Английская набережная в Ницце, летом.

Дорогой Ги, я получил Ваше письмо. Все дни здесь похожи один на другой, но Ницца очень красивый город. Хорошо бы Вы навестили меня. Станным образом мне случается здесь столкнуться на улице с людьми, которых я не видел лет двадцать или считал давно умершими. И мы пугаемся друг друга. Ницца – город призраков и привидений, но я надеюсь, что не сразу войду в их компанию.

Что касается женичины, которую Вы разыскиваете, лучше всего позвонить Бернади – Мак-Магон 00–08. Он сохранил довольно тесные контакты с людьми из разных служб и с радостью Вам поможет.

Мой дорогой Ги, жду Вас в Ницце, а пока остаюсь навсегда преданным Вам Хютте.

P. S. Не забывайте, помещение агентства в Вашем распоряжении.

VI

23 октября 1965

Объект: ОРЛОВА, Галина, известна под именем Гэй Орлова.

Родилась: в Москве (Россия) в 1914-м. Родители – Кирилл Орлов и Ирина Джорджадзе.

Подданство: не имеет. (Правительство Союза Советских Социалистических Республик лишило родителей мадемуазель Орловой и ее саму гражданства как эмигрантов.) Мадемуазель Орлова имела обычный вид на жительство. Она прибыла во Францию из Соединенных Штатов, по всей видимости, в 1936 г.

В США мадемуазель Орлова зарегистрировала брак с мистером Уолдо Блантом, с которым потом развелась.

Мадемуазель Орлова проживала: Париж, VIII округ, ул. Сирк, отель «Шатобриан»; Париж-VIII, авеню Монтеня, 53; Париж-XVI, авеню Маршала Лиоте, 25.

До приезда во Францию мадемуазель Орлова была как будто танцовщицей в Соединенных Штатах.

В Париже она вела весьма роскошную жизнь, но источники ее доходов неизвестны.

Мадемуазель Орлова скончалась в 1950 г. у себя дома – авеню Маршала Лиоте, 25, Париж-XVI, – от передозировки снотворного.

Уолдо Блант, ее бывший муж, проживает в Париже с 1952 г. и подвизается в качестве пианиста в различных ночных заведениях. Он американский гражданин.

Родился 30 сентября 1910 г. в Чикаго.

Вид на жительство во Франции № 534HC828.

К этому листку, напечатанному на машинке, приложена визитная карточка Жан-Пьера Бернарди, где написано несколько слов:

Вот все имеющиеся у меня сведения. Всегда к Вашим услугам. Поклон Хютте.

VII

На застекленной двери афиша: «Пианист Уолдо Блант играет ежедневно в баре отеля „Хилтон“, с 18 до 21 часа».

Бар был переполнен, все места заняты, кроме одного кресла за столиком, где сидел японец в очках в золотой оправе. Наклонившись, я попросил у него разрешения сесть, но он, видно, ничего не понял, а когда я сел, не обратил на меня ни малейшего внимания.

Посетители, американцы и японцы, входили в бар, окликали друг друга, и их голоса звучали все громче. Они стояли в проходах между столиками. Некоторые со стаканами в руках опирались на спинки кресел или присаживались на подлокотники. Какая-то молодая женщина устроилась на коленях у седовласого господина.

Уолдо Блант опоздал минут на пятнадцать и сел за рояль. Невысокий пухлый человек в сером костюме, лысеющий, с тонкими усиками. Он обернулся и обвел взглядом столики, у которых толпились люди. Медленно провел правой рукой по клавишам и взял наугад несколько аккордов. Мне повезло, я сидел совсем близко от него.

Он начал наигрывать какую-то мелодию, по-моему «На набережных старого Парижа», но из-за гула голосов и взрывов смеха музыка была еле слышна, и даже я, сидя у самого рояля, не все мог уловить. Выпрямившись и чуть склонив голову, он невозмутимо продолжал играть. Мне стало больно за него, ведь было же, наверное, время, когда его слушали. С тех пор ему пришлось, видимо, привыкнуть к этому вечному жужжанию множества голосов, заглушавшему его музыку. Что он скажет, если я произнесу имя Гэй Орловой? Выведет ли оно его хоть на миг из полного безразличия? Или это имя уже ни о чем не может ему напомнить, так же как звуки, которые он извлекает из рояля, бессильны возобладать над гулом голосов?

Бар постепенно опустел. Остались только японец в очках в золотой оправе, я и – в глубине зала – та молодая женщина, которую я видел раньше на коленях у седого господина, теперь она сидела рядом с краснолицым толстяком в голубом костюме. Они говорили по-немецки. Очень громко. Уолдо Блант играл протяжную, хорошо мне знакомую мелодию.

Он обернулся к нам.

– Не угодно ли вам, мадам, месье, чтобы я сыграл что-нибудь по вашему заказу? – спросил он холодно, с легким американским акцентом.

Японец рядом со мной не пошевелился. Он сидел неподвижно, с бесстрастным лицом, и мне казалось, что при малейшем сквозняке он свалится с кресла, – ведь наверняка это был просто набальзамированный труп.

– «Sag warum»¹, пожалуйста, – бросила хриплым голосом женщина из глубины зала.

Блант чуть кивнул и начал играть «Sag warum». Свет в баре приглушили, как в дансингах при первых звуках слоу. Женщина и краснолицый толстяк, воспользовавшись этим, принялись целоваться, рука женщины скользнула за ворот его рубашки, потом ниже. На неподвижном японце поблескивали очки в золотой оправе. У Бланта за роялем был вид подрагивающего робота: мелодия «Sag warum» требует непрерывных ударных аккордов.

О чем он думал, пока за его спиной краснолицый толстяк гладил ногу блондинки, а набальзамированный японец восседал уже, наверное, не первый день все в том же кресле хилтонского бара? Ни о чем он не думал, я был в этом уверен. Он казался почти недостижимым в своей отрешенности. Имел ли я право грубо нарушить эту отрешенность, беречь в нем болезненные воспоминания?

---

¹ «Скажи почему» (нем.).

Краснолицый толстяк и блондинка вышли из бара, скорее всего чтобы уединиться в номере. Он тянул ее за руку, и она старалась идти прямо. Мы с японцем остались одни. Блант опять обернулся и произнес своим ледяным тоном:

– Не желаете ли, чтобы я сыграл что-нибудь по вашему выбору?

Японец не дрогнул.

– Если можно, месье, «Что остается от нашей любви», – сказал я.

Он играл эту мелодию со странной медлительностью, она казалась тягучей и словно увязала в болоте, из которого с трудом высвобождались звуки. Время от времени он застыл, будто обессиленный, спотыкающийся от усталости путник. Он взглянул на часы, резко встал и, поклонившись, обратился к нам:

– Месье, уже двадцать один час. Всего доброго.

Он вышел. Я последовал за ним, оставив набальзамированного японца в гробнице бара.

Блант двинулся по коридору, пересек пустынный холл. Я догнал его.

– Месье Уолдо Блант?.. Я бы хотел поговорить с вами.

– О чем?

Он бросил на меня затравленный взгляд.

– О человеке, которого вы знали когда-то... О женщине... ее звали Гэй. Гэй Орлова.

Он замер посередине холла.

– Гэй...

Он зажмурился, будто ему в лицо внезапно ударил луч прожектора.

– Вы... вы знали... Гэй?

– Нет.

Мы вышли из отеля. Группа мужчин и женщин в вечерних туалетах кричащих расцветок – гранатовых смокингах, длинных платьях зеленого и небесно-голубого атласа – ждала такси.

– Мне неловко вас беспокоить...

– А вы меня не беспокоите, – сказал он задумчиво. – Я уже так давно ничего не слышал о Гэй... Да вы, собственно, кто?

– Ее родственник. Я... хотел бы узнать у вас некоторые подробности... ее жизни...

– Подробности?

Он потер висок указательным пальцем:

– Что я могу вам сказать?..

Мы шли вдоль отеля по узкой улочке, ведущей к Сене.

– Мне надо домой, – сказал он.

– Я провожу вас.

– Так вы правда родственник Гэй?

– Да. Наша семья хотела бы узнать побольше о ее судьбе.

– Она давно умерла.

– Я знаю.

Он шел очень быстро, и я еле поспевал за ним. Старался держаться рядом. Мы были уже на набережной Бранли.

– Я живу напротив, – сказал он, показывая на тот берег Сены.

Мы зашагали по Бирхакеймскому мосту.

– Вряд ли я смогу вам многое рассказать. Все это было так давно...

Он замедлил шаг, словно почувствовал себя наконец в безопасности. Может, он шел так торопливо, считая, что за ним следят. Или чтобы отделаться от меня.

– А я и не знал, что у Гэй есть родственники, – сказал он.

– Как же... со стороны Джорджадзе...

- Простите?
- Семья Джорджадзе... Фамилия ее деда – Джорджадзе...
- А, ясно...

Остановившись, он облокотился на каменный парапет моста. Я не мог последовать его примеру – у меня закружилась бы голова. Я стоял перед ним. Он заговорил не сразу.

- Вы знаете... что я был ее мужем?
- Знаю.
- Откуда?
- Это записано в старых документах.

– Мы вместе выступали в одном ночном кабачке в Нью-Йорке... Я играл на рояле... Она попросила меня жениться на ней, просто хотела остаться в Америке и не обращаться к иммиграционным властям... – Он покачал головой, вспомнив это. – Забавная была девочка. Потом она стала любовницей Лаки Лучано...² Познакомилась с ним, когда начала выступать в казино на Палм-Айленд...

- Лучано?
- Да-да, Лучано... Она была с ним, когда его арестовали в Арканзасе... Потом встретила какого-то француза, я узнал, что они вместе уехали во Францию...

Его лицо просветлело. Он улыбался.

- Я рад, месье, что могу поговорить о Гэй...

Под нами, на правый берег Сены, проехал поезд метро. Потом второй, в обратном направлении. Их грохот заглушал голос Бланта. Он говорил мне что-то – я видел это по движениям его губ.

- ...Самая красивая девушка, какую я знал...

И этот обрывок фразы, который я чудом уловил сквозь шум, поверг меня в глубокое отчаяние. Я стоял на мосту ночью, с совершенно незнакомым мне человеком и пытался вырвать у него какие-то сведения, которые могли бы пролить свет на мое прошлое, но из-за громохота вагонов не слышал, что он говорил.

- Может, пройдем немного вперед?

Но он был так погружен в свои мысли, что даже не ответил. Он, видимо, давно уже не думал об этой Гэй Орловой, и теперь воспоминания о ней, всплывая на поверхность сознания, оглушали его, словно шквальный ветер. Он стоял неподвижно, по-прежнему опершись на парапет.

- Давайте все-таки пройдем вперед...
- Вы знали Гэй? Встречались с ней?
- Нет. Поэтому я и хотел, чтобы вы мне о ней рассказали.

– Она была блондинкой... с зелеными глазами... очень необычная внешность... как бы вам ее описать... Пепельные волосы...

Пепельная блондинка. Которая, возможно, сыграла не последнюю роль в моей жизни. Надо внимательнее рассмотреть ее фотографию. И постепенно все вернется. А может, он направит меня по более точному следу. Все-таки мне повезло, что я нашел этого Уолдо Бланта.

Я взял его под руку. Не могли же мы вечно торчать на мосту. Мы пошли по набережной Пасси.

- Вы виделись с ней во Франции? – спросил я.
- Нет. Когда я приехал во Францию, ее уже не было в живых. Она покончила с собой...
- Почему?

---

² Сальваторе Лучано (1897–1962), прозванный Лаки Лучано (что по-английски означает Счастливчик Лучано) – один из главарей американской мафии по торговле наркотиками. (Здесь и далее – прим. перев.)

– Она часто мне говорила, что боится постареть...

– А когда вы ее видели в последний раз?

– После истории с Лучано она познакомилась с тем французом. В то время мы иногда виделись.

– Вы знали этого француза?

– Нет. Она говорила, что собирается выйти за него, чтобы стать француженкой... Она была одержима идеей обрести гражданство...

– Вы развелись?

– Конечно... Наш брак длился всего полгода. Как раз достаточно, чтобы успокоить иммиграционные службы, которые хотели выдворить ее из Соединенных Штатов.

Я напряженно слушал, стараясь не упустить нить рассказа. Тем более что он говорил очень тихо.

– Она уехала во Францию... И больше я ее не видел... А потом узнал... о самоубийстве...

– Как вы узнали?

– От одного приятеля-американца, он был знаком с Гэй и оказался в то время в Париже. Он прислал мне маленькую вырезку из газеты...

– Вы сохранили ее?

– Да, конечно, она у меня дома, в столе.

Мы поднялись к садам Трокадеро. Там царило оживление, фонтаны были освещены. У фонтанов и на Йенском мосту толпились туристы. Этот октябрьский субботний вечер казался весенним – много гуляющих, теплый воздух, еще не облетевшие листья.

– Я живу чуть дальше...

Сады Трокадеро остались позади, мы свернули на Нью-Йоркскую авеню. Там, на набережной, под деревьями, у меня возникло неприятное ощущение, что все это мне только снится. Я уже прожил свою жизнь, превратившись в призрака, парящего в теплом воздухе субботнего вечера. К чему восстанавливать оборванные связи, отыскивать ходы, которые давным-давно замурованы? И я уже с трудом верил в реальность пухлого усатого человечка, идущего рядом.

– Как странно, я вдруг вспомнил имя француза, с которым Гэй познакомилась в Америке...

– Как его звали? – спросил я, и голос мой дрогнул.

– Говард... это его фамилия... не имя... подождите... Говард де что-то...

Я остановился.

– Говард де?..

– Де... де... Люц... Л... Ю... Ц... Говард де Люц... меня поразила эта фамилия... полуанглийская, полуфранцузская... а может, испанская...

– А имя?

– Имя?

Он развел руками.

– Вы не знаете, как он выглядел?

– Нет.

Я покажу ему фотографию, на которой Гэй снята вместе со старым Джорджадзе и тем, кто, как я считал, был мною.

– Чем занимался этот Говард де Люц?

– Гэй говорила, что он из аристократической семьи... Ничем он не занимался. – Блант усмехнулся. – Хотя нет... нет... подождите... Я вспоминаю... Он долго жил в Голливуде... Гэй говорила, он был там доверенным лицом актера Джона Гилберта...

– Доверенным лицом Джона Гилберта?

– Да, в последние годы его жизни.

По Нью-Йоркской авеню машины мчались так быстро и бесшумно, что во мне росло ощущение нереальности происходящего. Они проносились с приглушенным шелестом, словно скользили по воде. Мы были уже у моста Альма. Говард де Люц. Есть надежда, что это мое имя. Да, эти звуки пробуждают во мне что-то, но столь же неуловимое, как отблеск лунного света. Если Говард де Люц – это действительно я, то мне нельзя отказать в оригинальности: из множества профессий, одна другой пленительнее и почетней, я выбрал роль «доверенного лица Джона Гилберта».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.